

**ЛИНГВО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ОТНОШЕНИЯ РУССКОГО НАРОДА
К ВЗЯТОЧНИЧЕСТВУ**

Shipitsina@bsu.edu.ru

В статье рассмотрена этимологическая семантика слов со значением «взяточничество». Показано, что в лексиконе языка и в корпусе народных афоризмов нет языковых средств с прагматикой осуждения и непринятия этих социальных пороков. В генетической памяти народа сохраняется след семантики словосочетания «кормиться от должности» как право чиновников на поборы от населения.

Ключевые слова: кормление от должности, взятки, лексика, пословицы и поговорки, ментальность, семантика, словообразование, этимология.

Изучение лексико-семантических инноваций современности в различных аспектах всегда будет важной и актуальной задачей лингвистов соответствующего исторического периода (сколь бы малым по протяженности он ни представлялся), поскольку семантика слов изменяется очень быстро, словари не успевают ее фиксировать и возникает потребность в определении семантического состояния языковых единиц с учетом сложившихся реалий действительности. По прошествии же некоторого времени появляется опасность перенесения понимания семантики слова новой эпохи на старую, поскольку оно может восприниматься в изоляции от своей прошлой культурной и семантической среды и оказаться под влиянием уже новой лексико-семантической парадигмы для слова, а также нового ореола его смыслов и прагматики. К сожалению, такая тенденция в описании семантики языковых единиц прошлых периодов развития языка скорее закономерна, чем случайна, о чем предупреждали выдающиеся лингвисты прошлого. В частности, академик В.В. Виноградов писал об этом так: «история чаще всего осмысливает действительность прошлого под влиянием господствующих идей современности» [1, с.27]. Например, слово *кормление* в словосочетании *кормление бояр на воеводстве* люди XX – XXI веков понимают как «разновидность воровства, преступное обогащение с использованием своей должности, мироедство», поскольку сознание современного россиянина, загружено информацией о коррупции, поборах и воровстве всяческих начальников. Именно такое понимание не только сохранилось со времени написания статьи В.В. Виноградовым, но и стало единственно возможным в настоящий период развития нашего языка, отражающем состояние культуры общества.

Это обусловлено, с одной стороны, идеологическими факторами современного мышления носителей русского языка, отражающего

реалии настоящего с его коррупционностью и безнаказанностью преступного «кормления» от должности у чиновников и управленцев высшего ранга.

С другой стороны, данное понимание семантики слова *кормление* (*бояр*) спровоцировано и чисто языковыми причинами. Это и будет предметом нашей статьи.

Прежде всего нужно отметить такой факт: на современное восприятие слова *кормление* оказывает свое мощное воздействие корень этого слова (*корм-*) как основной репрезентант семантики всего родственного гнезда слов с этим корнем. Этимологическое значение слова *корм* (из праславянского *кърмь*) – «обрезок, нарезанное». Дальнейшее смысловое развитие: «отрезанная доля пищи» – «полученная еда, пища» (Этимол. словарь совр. рус. яз.). У слова *корм* живая внутренняя форма, она представлена в свободном корне, способном употребляться и без аффиксов и потому надежно удерживающим внутреннюю форму в активном восприятии. Синхронное словообразование вполне закономерным сочтет образование слова *кормление* от глагола *кормить* со значением «давать пищу».

В действительности же слово *кормление* образовано от слова *корма* в значении «задняя часть судна». Родственные слова: *кормило* – «руль у судна, подвешенная к корме лопасть»; *кормчий* – «управляющий ходом судна»; *кормщик* – «рулевой на судне»; *кормильство* – «управление, руководство, наставление»; словосочетание *кормчая книга* – «сборник правил, законов для управления чем-либо» и другие (Словарь рус. яз. XI – XVII вв.). Так что на самом деле слово *кормление* в словосочетании *кормление бояр на воеводстве* обозначало «управление», а не «преступное обогащение». Поскольку это словосочетание перестало употребляться, сознание носителей языка постепенно подменило его внутреннюю форму с опорой на омонимичный корень слова *корм* (вместо

корма) по той причине, что слово *корм* гораздо частотнее по употреблению и активнее в языковом сознании носителей языка, так как не ограничено специальной сферой употребления, как это наблюдается у слово *корма*, функционирующее в морской сфере, в частности, и в транспортной сфере вообще. Внутренняя форма слова *корма* очевидна, если ее связать с неосновным значением «управление». Гораздо интереснее развитие семантики самого слова *корм* и глагола *кормить*, совместивших в себе казалось бы такие не связанные друг с другом, не сопоставимые между собой значения, как «давать пищу» и «управлять, руководить». Как писал академик В.В. Виноградов, «Соотношение значений в современном употреблении слова, их иерархия, их фразеологические контексты и их экспрессивная оценка – всегда заключают в себе диахронические отложения прошлых эпох» [1, с. 15].

Понимание семантики слова *кормление* (*бояр*) как «мздоимство, преступное обогащение от поборов с населения» спровоцировано воздействием словообразовательной системы с регулярным образованием от глаголов отвлеченного имени существительного с суффиксом –*ени(е)*, продуктивным в этой функции (сравн. *стареть* – *старение*, *двигать* – *движение*). В прошлом также была продуктивной и регулярной именно эта модель, а вот образование имен существительных с суффиксом –*ениц*-, а также с суффиксом –*иц*-, от имен существительных непосредственно весьма проблематично. Имя существительное *кормление* мотивировалось глаголом *кърмити* со значением «править, стоять у руля», производным от имени существительного *кърма*. Аналогичным было такое словообразование: *бракъ* – *брачить* («венчать») – *брачение*, *баня* – *банить* («мыть, чистить») – *бание*.

Кроме того современное понимание семантики слова *кормление* (*бояр на воеводстве*) только как «мздоимство и преступное обогащение» обусловлено архаизацией неосновного значения этого слова, актуального для Руси 13 – 16 веков, «система вознаграждения бояр, осуществлявших судебно-административные функции, путем предоставления им права облагать в свою пользу население управляемой ими местности» (МАС-2). В словаре В.И. Даля одно из значений слов *кормление*, *кормеж*, *кормка*, *корм* определяется так: «жалованье, содержаніе отъ казны, и самые мѣста, должности внѣ столицы, помѣстье, волость или городъ, и посылка чиновниковъ на управление ими». *Кормленье с боярскимъ судомъ* означало «мѣсто съ правомъ суда и расправы», где «вмѣсто жалованія правитель

взимал пошлину», Примеры: *Поехаль на кормежь, на доходное мѣсто; посадить кого на кормь* – «дать доходное место».

Это значение у слов *кормление* и его вариантов утратилось, пребывает лишь в архивном фонде языка, но оставило свой след в генетической памяти народа, тем более что денотативная основа его семантики осталась неизменной: управленцы территорией продолжают от ее населения «кормиться», хотя такое право для них современными законами не предоставляется. Более того, современная картина преступной деятельности управленцев дает немало примеров того, как практически на любом поприще чиновники и даже руководители небольших коллективов, учреждений изобретают способы обогащения *кормлением*. Например, директор одной из московских школ (некто Петров) поборами от родителей учеников и махинациями с заработной платой учителей своей школы смог довести свое благосостояние до поражающих воображение огромных размеров (об этом сообщалось в программе «Новости» по первому каналу передач российского телевидения 25 июля 2011 года). Факт сам по себе удивительный, поскольку школьное образование до сих пор вроде бы находилось в стороне от процессов мздоимства и воровства.

Итак, в современном значении слова *кормиться* проступают и его диахронические смыслы. Значения двух действий – «управлять чем-либо (территорией, коллективом подчиненных, учреждением или кораблем) и «кормиться от этого управления» (то есть «добывать средства сверх установленного объема для своего обогащения») – были омонимичными значениями, но в определенный исторический период слились в единую лексему как связанные между собой лексико-семантические варианты одного и того же слова, эмплицированные в многочисленных дистрибуциях. Характерный пример – слово *кормити*. В «Словаре русского языка XI – XV вв.» приводятся два омонимичных слова. *Кормити*¹ с пятью значениями, из которых два значения связаны со смыслом слова *корм* как «еда»: «давать пищу, вскармливать, угощать» (есть примеры в пословицах *Басни соловья не кормят, Вас кормит море, а нас томит горе*). Значение

№ 3 – «содержать, обеспечивать едой, кормами», пример: *Въ Новгородѣ же тогда Ярославъ кормяше варягъ много, бояся рати* (Новгородская летопись, 1618 г.). Значение же № 4 «иметь на «кормлении», содержать кого-либо за счет поборов, обложения» и значение № 5 «давать жалованье, платить чем-либо» демонстрируют некоторый отрыв от первой группы значе-

ний. При этом от семемы *кормити* № 4 образовано слова *кормление*, *кормленский*, *кормленщикъ*. Слово *кормление* в древности имело весьма широкий семантический объем, в русле которого функционировало и такое употребление: «кормление» как способ содержания княжеских и государевых людей за счет поборов с местного населения; административно-территориальная единица, подати с которой (денежные и натуральные) обеспечивают управленцев соответствующей территорией. Пример: *Пожаловал есми Келаря Петровича въ Мецерѣ городом Елатьюю ... в кормленье съ мыты, и с перевозы, и со всѣми намѣстничьи доходы, и съ пошлинами* (А. Юш. 1589 г.). У слова *кормленский* значение «полученный в «кормление», на содержание должностных лиц за счет поборов с местного населения, сбора налогов в свою пользу». У слова *кормленщикъ* значение «лицо, получившее определенную территорию в «кормление», живущее на полном содержании за счет всяческих поборов с местного населения, сбора налогов в свою пользу». Пример: *Взято на Москвѣ в Устюжскую четверть кормленщиком на жалованье у приказчиковъ вашихъ ... оброчныхъ денегъ двестѣ девятъ рублей* (Строг. Столб. 1608 г.).

Семантика «кормиться от населения за счет поборов и налогов в свою пользу» была закреплена в целой группе устойчивых сочетаний: «Дать кому-либо что-либо в кормление» (*А въ Новгородѣ прихаша князь Патрикий Наримантовичъ, и прияша его новгородци и даша ему въ кормление Орѣховъ городъ* (Новг. летоп.); «держати кормление, сидѣти по кормлениемъ» (*Бояре и князь и дѣти боярские сидѣли по кормлениемъ по городомъ и по волостемъ для росправы людемъ и всякого устроения землямъ и собѣ отъ служебъ для покою и прекормления* (Ник. летоп.); *Кормленая печать* – «печать, скрепляющая документ, дающий право на содержание, обеспечение «кормлением»; *дати кормлю* – «дать право на поборы, «кормление» с какой-либо территории»; *кормовая грамота, кормовые деньги* и др.

В единой звуковой оболочке многозначного слова переплетаются значения «обеспечиваться натуральными продуктами, содержанием, деньгами и т. п.» и «управлять, направлять, рулить». Отсюда как многозначность многих слов с корнем *корм*, так и наличие слов-омонимов. Амплитуда колебаний семантики их внутренней формы развивается по метонимической модели полисемии в направлении: «корм (пища)» – «корм (содержание)» – «корм (управление территорией с правом поборами с населения обеспечивать себе содержание)» – «корм (управле-

ние судном)». Поскольку последняя составляющая этой модели характеризуется отрывом от ядерной архисеммы со значением «пропитание», эта семантика организует омонимичный вариант группы слов, номинирующий объекты управления судном: *корма*, *кормило* (руль у судна), *кормити*² (управлять кораблем), *кормник*, *кормиций*, *кормчий*, *кормщик*, *кормовщик*² (рулевой на судне, а также старший в промысловой (рыболовной) артели), *кормовое* (судно), *кормчая* (книга), *кормициий* и др. Слово *кормило* в значении «средство, устройство для управления» сохранилось в архаичном фразеологизме высокого стиля у *кормила правления (власти)* – «стоять, быть во главе управления чем-либо» (Этимол. слов. совр. рус. яз.). Интересно, что заимствованное из голландского языка слово *руль* со значением «устройство для управления движением транспортного средства» по аналогии со словом *кормило* приобрело такое же символическое значение «обладать властью, играть руководящую роль», активизировавшееся в советский период. Например, *Маркс раскрыл истории законы, пролетариат поставил у руля* (В. Маяковский. Владимир Ильич Ленин). То же у производных слов от слова *руль*: *Партия – наша надежда и сила, Партия – наш рулевой* (песня В. Мурадели на стихи С. Михалкова «Партия – наш рулевой»). В этом же символическом значении слово продолжает употребляться и до сих пор: *В условиях глубочайшего экономического кризиса у руля державы должен стоять не ученый-теоретик, а практик, который сможет убедить тех же ученых на время спуститься на землю и в одной упряжке хоть как-то оттащить Украину от последней черты* (СПб Эхо. 28. 10. 1992 г.).

Пример семантического развития слова *кормление* иллюстрирует тот факт, что языковые процессы развития многозначности слова отражают исторически мотивированное восприятие этого слова сознанием народа, а также изменения в этом восприятии, обусловленные национальной картиной мира. Известно, что в каждом национальном языке так или иначе проявляется мировидение народа, его народная картина мира, и это проявление влияет на формирование ценностей и культуры народа. Семантические и прагматические смыслы слова можно рассматривать как своеобразный источник концептуально значимой социокультурной информации, транслируемой языком. Умозаключение, лежащее в основе исходной семантической структуры слова и его этимоне, глубоко прагматично. Языковые средства сохраняют и передают от поколения к поколению проверенную жизненными практиками житейскую мудрость, кото-

рая особенно убедительна потому, что основывается на образах знакомых, обыденных, отражающих стереотипы ближайшей культурной среды. Ментальная составляющая в семантике слов формируется в самой гуще народа, затем воспроизводится и тиражируется на протяжении длительного времени, уходя своими корнями в глубь веков. Однако функции языка не ограничиваются только отражением действительности. В определенном смысле язык навязывает человеку не только форму креативной категоризации мира, но и нормы общественного бытия и социального поведения, поскольку произнесенное слово воздействует на общество носителей языка всеми своими ментальными и прагматическими смыслами.

Итак, на материале слова *кормление* и его системного лексического окружения мы пытались показать, какие этноязыковые и собственно языковые факторы помогают нам осмыслить неистребимость в нашем обществе такого социального порока, как мздоимство, преступное обогащение чиновников, крупных и мелких начальников различного статуса и ранга за счет поборов с населения или людей, зависящих от мздоимца в каком-либо отношении.

Однако истоки национальной ментальности проступают через семантические отложения разных эпох не только в словах, но и в наиболее архаичных языковых единицах языка, к которым относятся разного рода народные афоризмы, устойчивые сочетания слов, особенно пословицы и поговорки (паремии). Паремия является ценнейшим объектом лингвокультурологического анализа, потому что в ней в наибольшей степени реализуется кумулятивная функция как культуры, так и языка.

Но вот что интересно: если по самым разным порокам общества и отдельных личностей, практически, по любым (воровство, предательство, обман, лезть и т. д.) в корпусе нашего языка существует обилие паремий, со всех точек зрения оценивающих и осуждающих эти пороки, то по теме «взятничество» (устаревший синоним этого слова *мздоимство*) их количество ничтожно мало. Изучив состав многочисленных сборников народных пословиц и поговорок, примеров к словам *взятка*, *мзда*, производных от них слов и их синонимов, мы нашли всего одну поговорку (в сборнике И.М.Снегирева «Русские народные пословицы и притчи», впервые изданном в 1848 году): *Мзда и мудрых ослепляет, а немудрых погубляет*. В словаре В.И. Даля есть примеры, объясняющие эту ситуацию: *Въ землѣ нашей мздоимствуется, по обычаю; Всякъ трудъ мзды своей достоин; Мзда не лихва (Лихва – «избытокъ, излишекъ,*

корыстные, вымогательные барыши»). Пример в этом же словаре: *Лихва да лезть – дьяволу честь*. Получается, что в народной картине мира у взяточничества отсутствует ореол осуждения, оно представляется как нормальное деяние, приравнивается к обычаям народа. Более того, на эту тему мы нашли две поговорки, в которых даже дано своеобразное объяснение необходимости взяток путем отсылки к простому и ясному для всех образу движения: *Не подмазано – не катится* и *Не подмажешь – не поедешь*. Смазка колес в прошлом – это необходимое действие в подготовке к дороге, без подмазки колес движения не будет. Этот образ перенесен на движение не только экипажей, но и вообще всякого дела. Взятничество всеильно: *Когда деньги говорят, правда молчит; Если золото всплыло, правда потонет; Стоит крикнуть, да денежкой брякнуть, так все и будет*. В данных поговорках речь идет не о моральных принципах социума, а о конкретной модели поведения, которая позволяет самым быстрым и надежным способом решить всякую проблему. Прагматическим аспектом значения в этих поговорках провозглашается нормальное и привычное в обществе поведение людей как важная составляющая общенародной картины мира. Видимо, случайно Александр Герцен в свое время сказал: *Если бы в России строго выполнялись все законы и никто не брал взятки, жизнь в ней была бы совершенно невозможна*.

Таким образом, наш вывод однозначен: лексикон русского языка свидетельствует о том, что в ментальности нашего народа не сформировано не только неприятие взяточничества и мздоимства как постыдных, недопустимых пороков, но даже и сколь-нибудь заметный ореол осуждения этих пороков не просматривается.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Виноградов В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания. – 1995. № 1. – С. 5 – 37.

Словари : Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Русский язык, 1980 (Словарь В.И. Даля); Словарь русского языка. Под ред. А.П. Евгеньевой; в 4-х т.; АН СССР, Институт русского языка. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984. (МАС-2); Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1-28. – М.: Наука, 1975-2008; Этимологический словарь современного русского языка. Сост. А.К. Шапошников: в 2-х т. – М.: Флинта: Наука, 2010.